В.Н. ГАЛЯПИНА

От соотечественника к “чужому”: образ этнического мигранта в восприятии москвичей

(По результатам фокус-групповых дискуссий)

Автор статьи методом фокус-группы исследует представления принимающего сообщества Москвы (русских) относительно мигрантов с Северного Кавказа и Средней Азии и о проблемах, связанных с миграцией. На основе анализа выявлены отличия образа внешнего и внутреннего мигранта, а также причины и факторы, обусловливающие соответствующее отношение к обеим указанным группам приезжих.

Ключевые слова: этнические миграции, принимающее население, Москва, образ мигранта, толерантность/интолерантность.

В современном мире доля населения, вовлеченного в миграционные процессы, возрастает. В них принимают участие все новые акторы: работодатели, рекрутинговые и туристические агентства и др. Мигранты едут и самостоятельно, по своим каналам через мигрантские связи в определенные места. Это приводит к концентрации в отдельных регионах иноэтничных групп, что в свою очередь ведет к мигрантофобии в принимающем сообществе, росту социальной напряженности.

В Центральном Федеральном округе (ЦФО) в целом и Москве в частности уровень подобной напряженности усложняется масштабами миграционных потоков и полиэтничным составом мигрантов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Москве и Московской области высок уровень этнического разнообразия, повышению которого способствуют внешние и внутренние миграционные потоки. Роль последних значительно весомее: в 2001–2010 гг. на долю внутренних мигрантов пришлось около 85% всех прибывших в ЦФО, тогда как на приехавших из других стран – чуть более 15% [Итоги… 2010].

Культурные отличия мигрантов зачастую воспринимаются местным населением в форме упрощенных стереотипов, имеющих негативную окраску “угрозы”, “опасности”, “неприязни” [Стратегии… 2009; *Lebedeva, Tatarko, Berry* 2014]. Причем установки по отношению к различным культурам унифицируются, накладываются друг на друга, обобщаются в едином негативном отношении ко всем прибывающим [Нужны… 2006; *Кузнецов* 2013]. По данным опросов, большинство жителей столицы не хотят жить рядом с людьми, приехавшими с Северного Кавказа и Закавказья, из Средней или Юго-Восточной Азии. При этом негативное восприятие соседства с инокультурными мигрантами, представляющими народы ближнего зарубежья (кирги-

Галяпина Виктория Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail:vgalyapina@hse.ru.

зы, узбеки, таджики) – 60%, практически сопоставимо с аналогичным показателем относительно народов-соотечественников с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы) – 56% [Проект… 2011].

Проблемы миграций в Московском регионе неоднократно становились объектами научного изучения (см.: [*Вендина* 2011; *Вендина* 2012; *Варшавер, Рочева* 2013; *Зайончковская* 2006; *Зайончковская, Ноздрина* 2008; *Кузнецов* 2008; 2013; *Остапенко, Субботина 2007*; *Тюрюканова* 2006; *Григорьева, Кузнецов, Мукомель, Рочева* 2010]). Однако эти и другие авторы преимущественно рассматривали специфику самих мигрантов, пытаясь увидеть миграцию их глазами и прочувствовать, как они воспринимают сложности интеграции в принимающее общество. Реакция же последнего (обычно негативная), как правило, не столько анализировалась, сколько констатировалась. Этого, на мой взгляд, недостаточно, поскольку, во-первых теория аккультурации показывает, что при контакте изменения происходят не только в группе мигрантов, но и в группе принимающего большинства. При взаимодействии обе эти группы подвержены изменению ценностей, норм, социальных установок (см. [*Berr*y 1990; *Berry* 1997; *Berry*, *Phinly*, *Sam*, *Vedder* 2006; *Birman* 1994; *Liebkind, Jasinskaja-Lahti* 2000; *Ward* 1996]). О том же свидетельствуют результаты последних исследований Д. Берри и Д. Сем [*Sam, Berr*y 2010].

Во-вторых, отталкиваясь от интерактивной модели аккультурации (*interaction acculturation model*) Р. Боурхиса, ориентированной на изучение взаимного соответствия стратегий этнических мигрантов и принимающего сообщества, целесообразно обратить внимание на такой факт. Тип взаимного соответствия определяется не столько реальным поведением и действиями одной группы, сколько восприятием их другой группой [*Bourhis*… 1997]. Иначе говоря, и успешность стратегий взаимодействия мигрантов и доминирующего социума, приводящих к консенсусу, и неуспешность, порождающая проблемы и конфликты, связаны с качественной оценкой данных стратегий большинством населения. В этом контексте актуальным становится вопрос о том, какими характеристиками общество Москвы наделяет образ этнического мигранта. Мое исследование, осуществленное в Москве в 2014 г., ставило целью рассмотреть именно качественные аспекты двунаправленного процесса взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества[1].

Какими их видят москвичи

Изучая отношение принимающего социума к приезжим, необходимо отметить, что оно многослойно и состоит из многих взаимосвязанных, но зачастую противоречивых категорий. Прежде всего у москвичей нет даже однозначного мнения относительно процесса миграции как социального феномена. Например, в рамках одной и той же группы (женщины 26–60 лет) на сей счет имеются две позиции: одна часть респонденток считает, что миграционные потоки стабилизировались и даже начинают уменьшаться. Другая – те, кто полагают, что миграция – это *беда,* что потоки мигрантов в столицу постоянно растут, что *приезжают все поголовно* и *город от них задыхается.*

Интересно также отметить: во-первых, на внешнем уровне само слово “мигрант” у москвичей ассоциируется преимущественно с выходцами из ближнего зарубежья, в основном из Средней Азии: *мигрант – это таджик с сумкой* (мужчины 17–25 лет); *мигранты – это узбеки, таджики, азербайджанцы* (женщины 26–40 лет). В целом

---

[1] Работа осуществлялась в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2014 г. на основе качественной парадигмы с использованием метода фокус-группы, проводившихся с зеркальным опросом (принимающее сообщество и мигранты). Это позволяло сравнить и сопоставить мнения обеих сторон на одни и те же проблемы. Гайд для фокус-группы состоял из четырех блоков вопросов (отношение к миграции, образы мигрантов и принимающего населения, взаимоотношения между ними, пути налаживания взаимодействия принимающего населения и мигрантов). Было проведено семь фокус-групп по шесть–восемь человек и взято два диадических интервью. Группы выделялись по критерию этнической принадлежности, пола, возраста. При анализе транскрипированных материалов использовалось осевое кодирование. Анализ осуществлялся с применением обоснованной теории [*Strauss, Corbin* 1990]. Кроме этого, для анализа образа мигранта использовался контент-анализ.

эти люди вызывают очень широкий спектр эмоций: от негатива и раздражения до жалости, к которой в большей степени оказались склонны представители сильного пола: *дышать мешают* (женщины 26–60 лет); *заняли наши рабочие места* (женщины 17–25 лет); *живут как в клоповнике* (мужчины 17–25 лет); *их кидают работодатели* (мужчины 26–40 лет).

Во-вторых, данный образ в сознании определенной группы респондентов вызывает ряд ассоциаций с лимитчиками советских времен: они *занимались неквалифицированным трудом, и эти пусть занимаются только неквалифицированным трудом, те были менее образованными и эти менее образованы, те не имели с нами одинаковых возможностей и эти не должны иметь, те очень четко контролировались и этих нужно контролировать постоянно* (женщины 26–60 лет).

Хотя наблюдения показали, что антропологически четко отделить выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа респонденты-москвичи не могут, но они фиксируют различия во внешнем облике представителей обеих категорий приезжих. По мнению участников фокус-групп, мужчин с Северного Кавказа можно отличить по *кожаной черной куртке, обтягивающим джинсам, цветным мокасинам*, а девушек по тому, как они *вызывающе носят платки или хиджабы*. Словом, их внешний вид раздражает. Облик же мигранта из Средней Азии воспринимается иначе, с жалостью: *они плохо одеты; им бы помыться.*

Поэтому в сознании принимающего общества – это разные мигранты. Они отличаются друг от друга не только внешне, но внутренне: причинами миграции, отношением к труду и пр. Восприятие мигрантов, представляющих этносы Северного Кавказа (то есть сограждан), у всех категорий респондентов вне зависимости от пола и возраста строится преимущественно на негативе. Доминантой его выступает стереотипное представление о "недостаточной цивилизованности" выходцев из северокавказских субъектов Российской Федерации (*они ж дикие какие-то; они варвары*). На этом фоне представитель любого народа Средней Азии воспринимался более позитивно: *да он же бедный, ему плохо, он скитается* (женщины 26–60 лет).

Вдобавок, по мнению москвичей, эти люди приезжают в Москву работать: *вот таджики и узбеки – это образ человека, который ищет работу, хороший* (мужчины 26–60 лет). Представители же народов Северного Кавказа приезжают либо в лучшем случае учиться, либо заниматься криминалом: *они считают себя воинами, а работать за них должны другие – где вы видели чеченца рабочим или дворником* (женщины и мужчины 26–60 лет).

Что касается персонифицирующих оценок, то москвичи наделяют мигрантов из Северокавказского региона в основном отрицательными качествами. По мнению респондентов, доминирующие поведенческие черты этой группы приезжих – грубость и высокомерие. Отсюда проистекают такие характеристики: *льстивые, не говорят правду; агрессивные, все решают с помощью ножа; навязывают свои традиции, говорят на своем языке; связаны с криминалом; постоянно своих людей "толкают"* /проталкивают/*; чувствуют свою безнаказанность; уважают только своих, а к другим людям по большей части по-другому относятся; выставляют богатство напоказ, относятся к людям, исходя из их материального положения и статуса.*

У москвичей проявлялась тенденция, сравнивая с собой представителей народов Северного Кавказа, принижать их: *они как сельские жители, колхозники; они более неотесанные; у них все по понятиям, а у нас по закону.* Справедливости ради отмечу: давались и более нейтральные (*имеют большие связи, более религиозны, у них воспитание другое, потому что вера мусульманская*), и положительные оценки (*стойкие духом и телом, характер у них такой крепкий; занимаются спортом, особенно борьбой; знают себе цену; родственники стоят горой друг за друга, дети помогают родителям и родители детям; уважают старших; все друг за друга, сплоченный народ*). Иногда респонденты даже признавали некое моральное превосходство "кавказцев": *вот заступился за меня. На меня напали русские подонки… он не постеснялся, засту-*

пился (женщины 26–60 лет); *у них очень развито уважение к старшим – уступают место нашим пожилым больше, чем наши русские ребята и в том числе нашего возраста. У них почитание старших очень выражено, это – плюс* (мужчины 26–60 лет). Но несмотря на наличие таких подходов, ряд москвичей вообще не хотят общаться с представителями народов Северного Кавказа: *если к киргизу еще я могу подойти, поздороваться, то к кавказцу – боже избавь, это же звери* (женщины 26–60 лет).

Есть и немало людей, которые, помимо чувства раздражения, испытывают по отношению к мигрантам из республик Северного Кавказа боязнь: *да вы что, к ним подойти страшно* (женщины 26–60 лет). Более отрицательное отношение высказывали женщины от 40 и старше: *где кавказцы рядом – от них все просто бегут, их просто боятся*. Для сравнения, внешние мигранты обычно не вызывает страха: *таджики, узбеки?.. а они не такие страшные на самом деле* (мужчины 26–60 лет); *я тоже в банке работала, у нас были нормальные люди из Грузии, даже из Таджикистана, кстати* (женщины 26–60 лет).

Необходимо особо отметить, что москвичи воспринимают мигрантов с Северного Кавказа не как сограждан, но как представителей какого-то другого государства: *у себя, в своих странах, пожалуйста, пусть стреляет! К нам приехал – нет! им нужно ввести ограничения* /на въезд/ *– ну вот пусть сдают какие-нибудь тесты* (женщины 26–60 лет). *Мы в своей стране и православие для нас – основная религия. Ислам – второстепенная* (мужчины 17–26 лет). Еще большее раздражение вызывает тот факт, что, по мнению респондентов, представители северокавказских народов рассматривают Москву как в общем-то не свою территорию: *у них есть желание здесь стать хозяином, что-то завоевать* (мужчины 17–26 лет).

Еще один интересный момент. В ходе обсуждения отношения к этническим мигрантам выявились различия в оценках, связанные с их гендером. Так, северокавказские женщины вызывают у москвичек меньше отрицательных чувств: *они более скромные, их не видно, их бьют их мужья, они бесправные* (женщины 26–60 лет), но все же они тоже *слишком демонстрируют свою религиозность* (женщины 17–26 лет). Мужчины более категоричны в своих подходах: *хитрые, пользуются шантажом, давят на жалость* (группа 26–60 лет); *заносчивы, русских парней не считают за мужчин* (17–26 лет).

Такого типа отношение к приезжим с Северного Кавказа в основном высказывала часть москвичей, которая в целом к миграции относится очень отрицательно. Другая часть респондентов склонна рассматривать свое отношение к ним через призму общечеловеческих ценностей, прав и свобод граждан. Эти представители принимающего сообщества считают, что если местным не нравятся какие-то особенности мигрантов, которые, вместе с тем, никак не нарушают правопорядок, то тут нет ничего плохого: *танцуют лезгинку днем, никому не мешая, то это проблема самих местных, это их комплексы* (мужчины 17–26 лет).

Представители данной группы опрошенных говорили, что среди москвичей не меньше плохих людей, чем среди мигрантов, а их личный опыт показывает, что стереотипные представления о них неверны: *у меня дагестанец знакомый – очень уравновешенный, а не как говорят, "только шашкой махать"* (мужчины 17–26 лет). *Совершенно не играет роли, какой национальности человек и откуда он приехал, если человек интеллигентный, образованный, ну, пожалуйста, приезжайте* (женщины 26–60 лет).

Сравнительные характеристики образов внутренних мигрантов с Северного Кавказа и внешних мигрантов из государств Средней Азии суммированы в таблице. Из таблицы явствует следующее. Притом, что и в оценке этнических мигрантов-иностранцев (в нашем случае из Средней Азии), и выходцев из российских регионов (Северный Кавказ) отрицательные эмоции преобладают над положительными, отношение респондентов к последним более негативное: москвичи по сути дела не видят и не хотят видеть в них своих соотечественников.

Почему мы их не любим?

Сложившееся восприятие мигрантов из республик Северного Кавказа обусловлено комплексом причин. Наше исследование позволяет разделить их на две группы: 1) осознаваемые и транслируемые принимающим населением; 2) неосознанные. К первому пласту факторов, отягощающих межкультурный диалог, можно отнести своеобразно понимаемый исторически **сложившийся контекст межэтнического взаимодействия**. Москвичи считают, что *вражда и негативное отношение между русскими и кавказцами – испокон веков* (мужчины 17–26 лет), что *кавказцы ненавидят русских из-за Кавказской войны, потом из-за выселения, потом еще "Чеченские войны"* (женщины 26–60 лет). Вдобавок у русских появился дополнительный повод ненавидеть "кавказцев", ибо в *чеченских войнах, да и сейчас в республиках Кавказа ни за что погибают русские парни* (мужчины 17–26 лет); *а наши русские как бежали из Чечни, почему не говорят, как их там убивали?* (женщины 26–60 лет). Иначе говоря, исторический посыл предопределяет мнение москвичей о том, что изначально все "кавказцы" ненавидят русских. А раз так, то и мы не можем к ним положительно относиться.

Далее выплывают страхи **террористической угрозы.** Важно тут то, что москвичи испытывают это чувство именно по отношению к представителям северокавказских этносов: это – *они взрывают метро,* это – *у них женщины-шахидки*. И хотя в ходе работы фокус-групп их участники воздерживались от прямого утверждения, что "террористы – это кавказцы", но косвенно респонденты, акцентируя угрозу своей безопасности, связывали ее с представителями этих народов: *их всегда нужно остерегаться; нельзя к ним поворачиваться спиной; ничего у них человеческого нет*; *если вы входите в вагон, а там стоят две девушки в хиджабах, вы будете стоять рядом с ними?... Я не буду, отойду подальше* (юноши 17–25 лет).

Фактор как бы внешнего порядка, обостряющий восприятие москвичами мигрантов-этников, – **негативная роль СМИ.** Респонденты убеждены, во-первых, что или жизнь в столице преподносится однобоко – как очень успешная, дающая огромное количество возможностей. Проблемы региона при этом остаются в тени, и многие мигранты, не имея представления о том, что их ждет в столице, массово едут туда. Это нежелательно для самих москвичей: *нет правды о количестве рабочих мест, зарпла-*

Таблица

Характеристики иноэтнических мигрантов, выделенные на основе контент-анализа

Группы характеристик	Абсолютное количество характеристик		Доля характеристик (%)		Критерий Фишера	Значимость различий
	Образ мигранта с Северного Кавказа	Образ мигранта из государств Средней Азии	Образ мигранта с Северного Кавказа	Образ мигранта из государств Средней Азии		
Отрицательные характеристики с оттенком агрессии	36	7	63,2	28	2,172	$p < 0,05$
Отрицательные характеристики с оттенком жидкости	4	11	7	44	2,427	$p < 0,05$
Положительные характеристики	11	5	19,3	20	0,361	Не значимы
Нейтральные характеристики	6	2	10,5	8	0,470	Не значимы

те, о стоимости "должности", и тем более *о том, что работника могут "кинуть"* (мужчины 26–60 лет).

Во-вторых, информация о жизни мигрантов в Москве обычно носит негативный характер (хотя говорили и о том, что есть позитивные примеры, скажем – спорт). "Кавказцев", по мнению москвичей, упоминают чаще всего в *криминальных новостях* или *скандальных историях*. Также респонденты считают, что СМИ некоторую информацию гипертрофируют либо делают неверные акценты, например *всегда говорят, что преступление совершил не россиянин, а дагестанец, кабардинец, житель Ингушетии и т.д*. (женщины 26–60 лет). Часто СМИ некорректно смешивают проблемы миграции с проблемами криминального поведения российских граждан. Тем не менее среди той части москвичей, которая негативно настроена относительно миграционных процессов как таковых, бытует мнение, что некоторые факты, напротив, замалчиваются, *проявляется чрезмерная толерантность к "этим"* (женщины 17–26 лет).

Отдельный сюжет – **неготовность представителей северокавказских народов "подстраиваться под местных"**. Москвичей очень устроило бы, если бы внутренние мигранты, впрочем, как и внешние, были похожи на них, *не выпячивались, соблюдали свои традиции у себя дома; были тише воды, ниже травы*. Мигранты же из указанного региона имеют собственное представление о том, как они должны себя вести *(надо оставаться самими собой; нужно уметь показать себя*), и эти представления, отличающиеся от мнения москвичей, вызывают у последних неприязнь и раздражение.

Поскольку поведение индивида во многом определяется культурными кодами, то для принимающего социума актуализируется проблема этнокультурной специфики приезжих. Москвичи в процессе обсуждения четко выделяли отличительные особенности культуры народов Северного Кавказа. При этом женщины 26–60 лет отмечали, что их образ жизни неправильный, а культура варварская, неприемлемая для местных *(стрелять из автомата в центре города, воровать невест ... это же варварство какое-то)*. Также неприемлемо и то, что "кавказцы" навязывают свои традиции местным, и эти традиции нарушают личное пространство и привычный ход жизни москвичей: *молятся прямо на тротуаре, не пройти!* (мужчины 17–26 лет); *режут барана прямо во дворе дома, ужас* (женщины 26–60 лет); *ходят кучами, даже в метро* (мужчины 17–26 лет). Далее делается вывод: *мы живем по законам, а они по понятиям* (женщины 17–26 лет).

Подобные умонастроения уже сами по себе выступают в качестве причин, создающих межэтнические трения. Вдобавок им сопутствует второй, неосознанный пласт представлений (выделяется на основе анализа материалов работы фокус-групп), чья роль в формировании отрицательных стереотипов весьма значительна. Это прежде всего **этнокультурная неграмотность москвичей** и нежелание что-либо узнавать о народах Кавказа. Респонденты в ходе обсуждения часто демонстрировали незнание этнокультурных особенностей мигрантов, в том числе и представителей народов Северного Кавказа, при этом они сами отмечали свое незнание и говорили, что не имеют большого желания узнавать об этом. Вот типические оценки: *кавказцы – это кто? чеченцы?! Или кто?* (женщины 17–26 лет); *у них, вот, ты идешь с ребенком, с грудным, если старикан какой-нибудь или старушка перед тобой, ты должна "бросить" ребенка* (женщины 26–60 лет); *не знаем о них ничего, да и зачем, они приехали, пусть они и подстраиваются* (мужчины 26–60 лет).

Такая жизненная позиция – во многом следствие **гипертрофированной региональной идентичности**. Жители столицы считают, что они, в отличие от мигрантов, – особые люди, очень образованные, культурные, поскольку они здесь родились и выросли. По их мнению, статус местного должен быть еще закреплен так, чтобы москвичи имели привилегированное положение при принятии на работу, поступлении в вузы, защите прав и пр.: *Москва – это наш город* (мужчины 17–26 лет); *страна-то одна, но город-то наш* (женщины 26–60 лет). Иначе говоря, у москвичей проявляется тенденция возвышения себя через принижение других. Они даже с некоторой бравадой говорили: *что нам теперь – паспорт менять, чтобы не было видно, где я*

родился? Обойдутся! (женщины 26–60 лет). При этом респондентов не смущает даже то обстоятельство, что, по их же словам, жители столицы, мягко говоря, не пользуются популярностью за ее пределами: *я знаю, вот приезжаю в ближайшее Подмосковье, а за моей спиной говорят, вот, эти москвички* (женщины 26–60 лет).

Современные демографические и этнические процессы, усложняющие социальное пространство, требуют от индивидуума динамизма, но москвичи к этому не готовы, и более того, они стараются сопротивляться новой реальности. Так, в ходе фокус-групп участники в той или иной форме говорили о важности схожести, единообразия между принимающим сообществом и мигрантами: *хороший мигрант – который похож на местного* (женщины 17–26 лет); *разнообразие – это конкурентная борьба* (мужчины 26–60 лет). В этой связи закономерным выглядит позитивное отношение к культурологически близким мигрантам. Так, говоря о приезжих из регионов Дальнего Востока или Крайнего Севера, респонденты подчеркивали: *они себя ведут нормально, мы их не замечаем* (мужчины 17–26 лет). Все это свидетельствует, что москвичи, тяготея к сохранению привычного для них уклада жизни и стабильности, хотели бы соответственно приуменьшить разнообразие этнокультурной и социальной среды в их городе.

Москва – территория интолерантности?

Как показывает опыт, в современном мире любое принимающее общество делится на тех, кто относятся к миграции отрицательно, нейтрально или положительно (см. [*Вендин*а 2011]). Проведенное исследование продемонстрировало, что точно так же в представлениях одной группы москвичей миграция – естественный процесс, для их региона – людской ресурс, а для мигрантов – возможность получить лучшие условия жизни. Вторая группа респондентов настроена против приезжих (внешних и внутренних) достаточно агрессивно. Соответственно, эта часть горожан рассматривает их как "зло" и ведет себя по отношению к ним интолерантно.

В целом образ этнического мигранта, поверхностно ассоциируемый москвичами преимущественно с представителями народов Средней Азии, вызывает весьма широкий спектр эмоций: жалость, брезгливость, насмешливость, пренебрежение, раздражение, неприятие, гнев, враждебность. Мигрант – это человек даже не второго, а вероятно, "десятого" сорта, который должен быть зависим от москвичей, знать свое место и не иметь таких же прав, как они.

В научном и экспертном сообществе бытует мнение, что образ этнического мигранта из Средней Азии и Кавказа в сознании жителей столичного региона "слит" воедино, и его черты очень переплетены [Нужны… 2006; *Кузнецов* 2013]. Однако наше исследование это подтверждает лишь отчасти: практически не различая мигрантов-иностранцев (из Средней Азии) и мигрантов-соотечественников (из республик Северного Кавказа) антропологически, горожане тем не менее достаточно четко дифференцируют приезжих из разных регионов умозрительно. Так, образ мигранта из государств Средней Азии по большей части наделяется характеристиками, связанными с чувством жалости и пренебрежением. В образе мигранта с Северного Кавказа доминируют характеристики, вызывающие, как правило, чувство агрессии. Естественно, и отношение к ним, несмотря на некоторые общие моменты отличается, поскольку в массовом сознании принимающего социума – это совершенно разные люди.

Общее у них то, что и те и другие плохо владеют русским языком, не знают русскую культуру и, как считают москвичи, не могут интегрироваться в местное сообщество. Но если мигранты из Средней Азии вызывают при этом скорее снисхождение (исключая вопрос о рабочих местах, в котором москвичи выказывают к ним крайне отрицательное отношение), то относительно представителей северокавказских этносов в городе доминируют негативные стереотипы. Так что представления у жителей столицы относительно двух рассматриваемых категорий мигрантов в итоге оказались отличающимися друг от друга.

Образ выходца с Северного Кавказа представляет собой конструкт: респонденты признавались, что им редко приходилось встречаться с представителями кавказских народов и их мнение о них сложилось под воздействием расхожих стереотипов. Недостаточное количество информации, неопределенность, а иногда и двусмысленность ситуации взаимодействия, малый персональный запас знаний, образующий схему интерпретации нового опыта, – все это приводит к тому, что москвичи конструируют, поддерживают и трансформируют искусственно созданный образ мигранта-этника. Эта картинка отличается от реальной и, перефразируя И. Гофмана, имеет сбои, ошибки, которые приводят к формированию стигм, дискриминационному поведению [*Гофман* 1963].

Москвичам не нравится, что "кавказцы" ведут себя слишком независимо, как хозяева, пытаясь вводить свои нормы и правила. При оценке их поведения горожане все время "соскальзывали" на то, что это – представители какого-то другого государства, а не россияне или что "это – Россия, но совсем другая Россия", что "Кавказ для нас – это беда". Отсюда следовало предложение о специальном отборе таких "иноземцев" на основе, например, тестирования. Можно сказать, что представитель народов Северного Кавказа, прибывший в Москву, ее жителями не воспринимаются как соотечественник. Он сильно отличается от "своих", которые приехали, скажем, из российской глубинки и которых никто не замечает. "Кавказец" же скорее "чужой".

Как выяснилось в ходе исследования, негативное отношение к мигрантам с Северного Кавказа связано и с мифологизированной интерпретацией москвичами реальных событий исторического прошлого. Нужно сказать, что, выделяя этот фактор, очень важный для понимания механизмов межэтнических взаимоотношений (см., например, [*Милосавлевич* 2010]), приходится констатировать, что у большей части горожан нет критического отношения к истории своей страны; они предпочитают оперировать историческими мифами. Так, они склонны рассматривать "кавказскую проблему", возлагая вину за нее исключительно на кавказцев и как бы оставляя за скобками последствия неграмотной политики российских властей.

Откровенно признавая собственную этнокультурную некомпетентность, жители столицы, однако, не рассматривают ее как причину своего интолерантного отношения к мигрантам. Это свидетельствует о гипертрофированной идентичности москвичей: они считают себя избранными, претендуя на особое к себе отношение и привилегированное положение (см. [Российская… 2008; *Вендина* 2011]). Вероятно, за этим скрывается неготовность столичных жителей к восприятию этнокультурного разнообразия. В большинстве своем они высказывают мнение, что различия разъединяют, порождают конфликт интересов, что мировоззрение должно быть общим и т.п. Иначе говоря, москвичи явно тяготеют к единообразию. В результате же получается, что члены принимающего сообщества столичного региона, не желая соглашаться с изменившимися реалиями, отказывают мигрантам из северокавказских субъектов Федерации в праве жить в столице единого для всех государства.

Такое мировосприятие связано с тем, что современные глобальные процессы приводят к расширению спектра различий (экономических, политических, социальных, культурных и пр.) и их углублению. Особенно ярко подобные вещи происходят в мегаполисах, для которых разнообразие становится статус-социальной нормой. Москва в этом плане – не исключение. Но в то же время, многие люди повсеместно стремятся к сохранению привычной картины мира, и разнообразие, особенно не освоенное ими, тяготит. Возникает желание как-то нивелировать социальное пространство и интолерантные подходы ко всему отличному от привычных стандартов.

В подобной ситуации особое значение приобретают СМИ, но можно сказать, что в целом они играют преимущественно негативную роль. В современном обществе возникает, по словам Ж. Бодрийяра, своего рода виртуальное принуждение [*Бодрийяр* 2003]. СМИ не дают достоверную информацию, какие-то факты умалчивают, какие-то преподносят некорректно, что в конечном итоге способствует складыванию предрассудков, предубеждений, стереотипов, дискриминационных установок, чувства

тревоги, страха. Неудивительно, что москвичи в качестве важной причины формирования и существования взаимной неприязни принимающего сообщества и мигрантов называли некорректную деятельность СМИ. С одной стороны, они приукрашивают ситуацию в столице, не показывают минусы здешней жизни; с другой – при анализе информации ставятся неверные акценты, некоторые факты гипертрофируются, а иные вообще замалчиваются. Характерный пример – в информационном потоке, касающемся этнических миграций, происходит смешение двух проблем: проблемы миграции как таковой и проблемы законопослушания граждан России, относящихся к северокавказским этносам. Так под влиянием информационных источников формируется и поддерживается негативный образ мигранта.

В результате во многом сконструированный образ "чужого соотечественника" воспринимается москвичами как угроза не только безопасности, социальному благополучию, но и культурным устоям. Вызывает раздражение непохожесть представителей народов Северного Кавказа – как внешняя, так и внутренняя. И проблема тут в том, что явственно видимые респондентами естественные этнокультурные особенности и отличия приезжих воспринимаются как негативные. Впрочем, необходимо понимать, что межэтнический контакт – двусторонний процесс. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что менталитет кавказских народов этноцентричен, а значит, по своей природе конфликтен, поскольку исходит из представления об исключительности своего народа. Это не может не вызывать раздражение москвичей. Впрочем, следует помнить, что часть московского общества также выступает носителем этноцентричного мышления (см. [Российская… 2008; *Вендина* 2011]). Отсюда – взаимная неприязнь и нетерпимость.

Современное социальное пространство Москвы само по себе настолько разнообразно, что, как отмечает О. Вендина, присутствие в нем культурно отличных мигрантов вносит дополнительное разнообразие, которое жители столицы пока не готовы воспринять [*Вендина* 2012]. Возможно, когда москвичи "освоят" этнокультурную специфику народов Северного Кавказа, негативного отношения к ним станет меньше. Но нужно отдавать отчет, что тогда, вероятно, появится какая-то другая этносоциальная группа, которая также сначала не будет приниматься по той же причине – неосвоенность нового разнообразия. Как тут не вспомнить типологически сходное отношение москвичей к лимитчикам 1970–1980-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрийяр Ж. (2003) Реквием по масс-медиа // К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга.

Варшавер Е., Рочева А. (2013) Интеграция мигрантов в контексте культурного разнообразия: сообщества мигрантов в "этнических кафе" Москвы (http://www.ccisru.org/books/Integratciya_v_soobshestva_Puti_Rossii)

Вендина О.И. (2012) Московская идентичность и идентичность москвичей //Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 27–39.

Вендина О. (2011) Московская идентичность и "понаехавшие" // Демоскоп. № 467–468. 23 мая – 5 июня (http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/tema03.php).

Григорьева К.С., Кузнецов И.М., Мукомель В.И., Рочева А.Л. (2010) Социальная среда российских городов в восприятии "гастербайтеров" и местного населения. М.: ИС РАН.

Гофман И. (1963) Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (http://www.e-reading.me/bookreader.php/145155/Gofman_-_Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost%27yu.pdf).

Зайончковская Ж.А. (2006) Иммиграция: альтернативы нет /Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд "Либеральная миссия".

Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. (2008) Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 98–111.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls).

Кузнецов И.М. (2008) Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. Горшков М.К. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, с. 273–288.

Кузнецов И.М. (2013) Проблемы миграции в московском регионе // Технологии психологического сопровождения интеграции мигрантов в образовательной среде: Учебно-методическое пособие для педагогов-психологов. [Электронный ресурс] / под ред. О.Е. Хухлаев, М.Ю. Чибисова. М.: МГППУ, с. 34–56.

Милосавлевич О. (2010) "1918 год" – "освободители" и "побежденные" (методологические предпосылки исследования национальных стереотипов) // Общественные науки и современность. № 5, с. 135–145.

Нужны ли иммигранты российскому обществу (2006) / Под ред. Мукомеля В.И., Паина Э.А. М.: Фонд "Либеральная миссия".

Остапенко Л.В., Субботина И.А. (2007) Москва многонациональная: старожилы и мигранты: вместе или рядом? / Отв. ред. Мартынова М.Ю. М.: РУДН.

Проект ФОМ СОЦ, опрос МегаФОМ (2011) (http://fom.ru/Mir/10442).

Российская идентичность в Москве и регионах (2008) / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: МАКС Пресс.

Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей (2009) / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН.

Тюрюканова Е. (2006) Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда.

Berry J.W. (1990) Psychology of Acculturation // Applied Cross-cultural Psychology / Brislin R.W. Newbury Park (CA): Sage, pp. 232–253.

Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. Applied Psychology: an International Review, no. 46, pp. 5–34.

Berry J.W., Phinney J.Sc., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity and Adaptation. Applied Psychology: International Review, vol. 55, pp. 303–332.

Berry J., Sam D. (2010) Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-cultural Psychology: Social Behavior and Applications / Berry J., Segall M., Kagitcibasi C. (Eds.). Boston: Allyn&Bacon. Vol. 3, pp. 291–326.

Birman D. (1994) Acculturation and Human Diversity in a Multicultural Society // Human diversity: Perspective on people in context / Trickett E.J., Watts R.J., Birman D. (Eds.). San Francisco: Jossey-Bass, pp. 261–284.

Bourhis R., Moïse L.C., Perreault S., Senécal S. (1997) Towards an Interactive Acculturation Model: a Social Psychological Approach // International Journal of Psychology, vol. 32. pp. 369–386.

Lebedeva N., Tatarko A., Berry J. (2014) Intercultural Relations among Migrants from Caucasus and Russians in Moscow // International Journal of Intercultural Relations (http://publications.hse.ru/articles/124762359).

Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. (2000) The Influence of Experiences of Discrimination on Psychological Stress: a Comparison of Seven Immigrant Groups // Journal of Community and Applied Social Psychology, no. 10, pp. 1–16.

Sam D.L., Berry J.W. (2010) Acculturation: When Individuals and Groups of Different Cultural Backgrounds Meet // Perspectives on Psychological Science, vol. 5, pp. 472–481.

Strauss A., Corbin J. (1990) Basis of Qualitative Research. Newbury Park: Sage.

Ward C. (1996) Acculturation // Handbook of intercultural training / Landis D., Bhagat R. (Eds.). Thousand Oaks. (CA): Sage, pp. 124–147.

From compatriot to "stranger": the image of the migrant in the perception of the residents of Moscow

(On the results of focus-group discussions)

*V. GALYAPINA**

* **Galyapina Victoria** – candidate of psychological sciences, senior researcher, International Scientific-educational Laboratory for Socio-cultural Research, National Research University – Higher School of Economics. Address: 20, Myasnickaya st., Moscow, 101000. E-mail: vgalyapina@hse.ru.

Abstract

The author by means of a focus group method examines notions of the Moscow host (Russian) population with the respect to migrants from the North Caucasus and Central Asia, and different problems associated with migration. The analysis reveals the differences in image of external and internal migrants, as well as the causes and factors contributing to the corresponding relation to both newcomer groups.

Keywords: ethnic migrations, host population, Moscow, image of migrants, tolerance/ intolerance.

REFERENCES

Baudrillard J. (2003) *Rekviyem po mass-media* [The Requiem for mass media]. K kritike politicheskoy ekonomii znaka, Moscow: Biblion-Russkaya kniga.

Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: an International Review,* no. 46, pp. 5–34.

Berry J.W. (1990) *Psychology of Acculturation.* Applied Cross-cultural Psychology / Brislin R.W. Newbury Park (CA): Sage, pp. 232–253.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity and Adaptation // *Applied Psychology: an Inter-national Review,* no. 55, pp. 303–332.

Berry J., Sam D. (2010) *Acculturation and Adaptation.* Berry J., Segall M., Kagitcibasi C. / Handbook of Cross-cultural Psychology: Social Behavior and Applications. Boston: Allyn&Bacon, vol. 3, pp. 291–326.

Birman D. (1994) Acculturation and Human Diversity in a Multicultural Society. *Human diversity: Perspective on people in context* / Trickett E.J., Watts R.J., Birman D. (Eds.). San Francisco: Jossey-Bass, pp. 261–284.

Bourhis R., Moïse L.C., Perreault S., Senécal S. (1997) Towards an Interactive Acculturation Model: a Social Psychological Approach. *International Journal of Psychology*. Vol. 32, pp. 369–386.

Grigoryeva K.S., Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I., Rocheva A.L. (2010) *Sotsialnaya sreda rossiyskikh gorodov v vospriyatii* "*gasterbayterov*" *i mestnogo naseleniya* [The social environment of Russian cities in the perception of gastarbeiters and the local population]. Moscow: IS RAN.

Hoffman I. (1963) *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoy identichnostyu. Chast 1. Stigma i sotsialnaya identichnost. Chast 2. Kontrol nad informatsiyey i sotsialnaya identichnost* [Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. The control of information and social identity] (http://www.e-reading.me/bookreader.php/145155/Gofman_-_Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoii_identichnost%27yu.pdf).

Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 [The results of all-Russian population census of 2010] (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls).

Kuznetsov I.M. (2008) *Migranty v megapolise i provintsii: variativnost realizatsii integratsionnogo potentsiala* [Migrants in the metropolis and province: variability realization of integration potential].

Rossiya reformiruyushchayasya. Yezhegodnik / Otv. red. M.K. Gorshkov., Moscow: Institut sotsiologii RAN. Vol. 7, pp. 273–288.

Kuznetsov I.M. (2013) Problemy migratsii v moskovskom regione [Migration issues in Moscow region]. *Tekhnologii psikhologicheskogo soprovozhdeniya integratsii migrantov v obrazovatelnoy srede: Uchebno-metodicheskoye posobiye dlya pedagogov-psikhologov* [Technology psychological support the integration of migrants in the educational environment: Study guide for educational psychologists]. Pod red. Khukhlayev O.E., Chibisova M.Y. Moscow: MGPPU, pp. 34–56.

Lebedeva N., Tatarko A., Berry J. (2014) Intercultural Relations among Migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations* (http://publications.hse.ru/articles/124762359).

Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. (2000) The Influence of Experiences of Discrimination on Psychological Stress: a Comparison of Seven Immigrant Groups. *Journal of Community and Applied Social Psychology,* no.10, pp. 1–16.

Milosavlevich O. (2010) "1918 god" – "osvoboditeli" i "pobezhdennye" (metodologicheskie predposylki issledovanija nacional'nyh stereotipov) ["1918 year" – "liberators" and "losers" (the methodological background of the national stereotypes studies]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost',* no. 5, pp. 135–145.

Nuzhny li immigranty rossiyskomu obshchestvu (2006) [Do we need immigrants to the Russian society?] / Pod red. Mukomelya V.I., Paina E.A. Moscow: Fond "Liberalnaya missiya".

Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (2007) *Moskva mnogonatsionalnaya starozhily i migranty: vmeste ili ryadom?* [Moscow multinational veterans and workers, together or next?] / Otv. red. Martynova M.Y., Moscow: RUDN, 353 s.

Proyekt FOM SOTs, opros MegaFOM (2011) [The project FOM SOC, survey MegaFon, October 2011] (http://fom.ru/Mir/10442).

Rossiyskaya identichnost v Moskve i regionakh (2008) [Russian identity in Moscow and regions]. Pod red. L.M. Drobizhevoy. Moscow: MAKS Press.

Sam D.L., Berry J.W. (2010) Acculturation: When Individuals and Groups of Different Cultural Backgrounds Meet. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 5, pp. 472–481.

Strategii mezhkulturnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey (2009) [The strategy of intercultural interaction between migrants and the population of Russia: Collection of scientific articles] / Pod red. Lebedevoy N.M., Tatarko A.N. Moscow: RUDN.

Strauss A., Corbin J. (1990) *Basis of Qualitative Research*. Newbury Park: Sage.

Tyuryukanova E. *Prinuditelnyy trud v sovremennoy Rossii: nereguliruyemaya migratsiya i torgovlya lyudmi* (2006) [Forced labor in modern Russia: irregular migration and trafficking in human beings]. Zheneva: Mezhdunarodnoye byuro truda.

Varshaver E., Rocheva A. (2013) *Integratsiya migrantov v kontekste kulturnogo raznoobraziya: soobshchestva migrantov v "etnicheskikh kafe" Moskvy* [The integration of migrants in the context of cultural diversity: migrant communities in ethnic café" Moscow] (http://www.ccisru.org/books/Integratciya_v_soobshestva_Puti_Rossi).

Vendina O.I. Moskovskaya identichnost i identichnost moskvichey (2012) [Moscow identity and the identity of the inhabitants of Moscow]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya,* no. 5, pp. 27–39.

Vendina O. *Moskovskaya identichnost i "ponayekhavshiye"* (2011) [Moscow identity and "newcomers] // *Demoskop*. № 467–468. 23 maya–5 iyunya (http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/tema03.php).

Ward C. (1996) *Acculturation* // Handbook of intercultural training / Landis D., Bhagat R. (Eds.).Thousand Oaks (CA): Sage, pp. 124–147.

Zayonchkovskaya J.A. (2006) Immigratsiya: alternativy net [Immigration: there is no alternative]. *Nuzhny li immigranty rossiyskomu obshchestvu*? /Pod red. Mukomelya V.I. i Paina E.A. Moscow: Fond "Liberalnaya missiya", pp. 7–30.

Zayonchkovskaya J.A., Nozdrina N.N. (2008) *Migratsionnyy opyt naseleniya regionalnykh tsentrov Rossii (na primere sotsiologicheskogo oprosa v 10 gorodakh)* [The migration experience of the population of regional centres of Russia (on the example of the sociological survey in 10 cities)]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 4, p. 98–111.

© В. Галяпина, 2015